

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники

Специальный выпуск IV

СМОЛЕНСКИЕ ВОЙНЫ XV-XVII вв.

ЧАСТЬ II

Санкт-Петербург

2017

ББК 63.3(0)5 УДК 94



Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск. IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. II. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_4>

© www.milhist.info

© Курбатов О.А.

MILHIST

INFO

Курбатов О.А. Генезис «генеральских полков» русской армии в 1654-1665 гг. Ссора воеводы кн. Юрия Никитича Барятинского и генерал-поручика Вилима Дромонта в контексте одной из реформ русской армии второй половины XVII века

Данная публикация документов и сопроводительная статья посвящены одному из ярких эпизодов реформирования русской армии второй половины XVII века – созданию особых соединений из нескольких родов войск во главе с генералами – иноземцами.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2017/07/25/kyrbatov_8

Ссылка для печатных изданий:

Курбатов О.А. Генезис «генеральских полков» русской армии в 1654-1665 гг. Ссора воеводы кн. Юрия Никитича Барятинского и генерал-поручика Вилима Дромонта в контексте одной из реформ русской армии второй половины XVII века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. II. — С. 304-327 <http://www.milhist.info/2017/07/25/kyrbatov_8> (25.07.2017).

www.milhist.info

2017

О. А. Курбатов

ГЕНЕЗИС «ГЕНЕРАЛЬСКИХ ПОЛКОВ» РУССКОЙ АРМИИ В 1654–1665 гг.

ССОРА

ВОЕВОДЫ КН. ЮРИЯ НИКИТИЧА БАРЯТИНСКОГО

И

ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКА ВИЛИМА ДРОМОНТА

В КОНТЕКСТЕ ОДНОЙ ИЗ РЕФОРМ

РУССКОЙ АРМИИ

ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Предлагаемая вашему вниманию подборка документов посвящена одному локальному эпизоду зимней кампании 1663–1664 гг. (русско-польской войны 1654–1667 гг.). Речь идет о конфликте между полковым воеводой окольных князем Юрием Никитичем Барятинским, который действовал со своим войском в окрестностях Смоленска с октября 1663 г., и генерал-поручиком Вилимом Дромонтом, одним из старших иноземных офицеров смоленского гарнизона. Дромонт на основании грамоты из Иноземского приказа в конце ноября 1663 г. потребовал передачи в свое непосредственное командование половины полков из войска кн. Барятинского — при том, что сам он вместе с ними поступит в распоряжение этого воеводы. Князь в течение полутора месяцев под разными предлогами отказывался выполнять этот указ, что и вызвало появление публикуемых документов.

Этот ключевой момент конфликта кн. Барятинского и Дромонта, связанный с подчинением нескольких полков иноземному генерал-поручику, и следует рассмотреть подробнее. Дело в том, что русское правительство при сохранении звания для приехавшего на царскую службу иноземца первое время рассматривало генеральский чин как вариацию полковничьего, подразумевался своего рода *«старший полковник»*. Такой полковник, как правило, получал в свое распоряжение только один полк, пусть и несколько больший, чем обычные. Ровно то же самое и имел в виду кн. Барятинский, когда написал, что *«...он, генерал, владел одним своим полком салдатским»*.

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-01-00464 «Обряд войны: воинские традиции и обычаи в Московской Руси XVI – XVII вв.»

Первый служивый иноземец генеральского звания, а поначалу просто «старший полковник», Александр Лесли, в ходе Смоленской войны 1632–1634 гг. возглавлял два пехотных полка обычного состава: один из русских людей, а другой из иноземных наемников. Однако это следует связать, скорее, с его исключительной близостью к русской военной администрации, чем с какими-то тактическими соображениями: шотландец в начале 1630-х годов являлся главным агентом правительства по найму иноземных офицеров и солдат. В 1654 году уже перешедший в православную веру Аврам (Александр) Лесли получил солдатский полк полуторного состава: он насчитывал не 10, как обычно, а 15 рот (2400 чел.). В декабре того же года впервые фиксируется новое звание Аврама Лесли — «енорал и старший полковник»¹, а в 1655 г. формируется, по сути, пехотная бригада этого генерала, из 30 рот (4800 солдат и начальных людей), половину из которых возглавил полковник Е. Р. Франзбеков. Однако такие же полки, по 20–30 рот в каждом, существовали и в Новгородском разряде во главе с полковниками А. Гамолтоном и М. Кормихелем, так что «генеральский» полк Лесли не оказался чем-то из ряда вон выходящим в структуре пехоты «нового строя».

В 1656 г. под Ригой на царскую службу поступили еще два генерала, бывшие сподвижники казненного короля Чарльза I шотландцы Томас Далиель и Вилим Дромонт, фигуранты публикуемых документов. Они, сохранив указанные в патентах звания (генерал-лейтенанта и генерал-майора соответственно), приняли команду над полками наиболее заслуженных, но уже престарелых иноземцев — Франца Трафферта и Алексея Бутлера. Таким образом, царь почтил их знатность и генеральское звание, доверив им регименты, следующие за полком А. Лесли по своеобразной иерархии полков солдатского строя главной царской армии. По возвращении из-под Риги царь разместил все свои генеральские полки вдоль главной коммуникационной линии русской армии на русско-шведском ТВД, от Смоленска по Западной Двине через Полоцк под Ригу (к Царевиче-Дмитриеву), причем по старшинству: в Смоленске осталось соединение «полного генерала» или «старого генерала» А. Лесли, в Полоцке — полк генерал-поручика Т. Далиеля, а в Царевиче-Дмитриево — генерал-майора В. Дромонта². К 1660 г., когда война со Швецией давно завершилась, генерал Дромонт вместе

со своим полком оказался в Смоленске, осенью он принял участие в боях на р. Басе под началом боярина кн. Ю. А. Долгорукова.

Кроме указанных трех полков, в 1658–1659 гг. в ведении приказа Тайных дел был сформирован солдатский полк двойного состава (две «тысячи») бывшего офицера датской службы Миколая Бовмана. За отличие в боях под Конотопом летом 1659 г. Бовман получил звание генерал-поручика³, а его полки возглавили полковники Альбрехт Шневенц и Миколай Фанзален.

Долгое время эти генералы, как и полковники и прочие начальные люди «*нового строя*», не имели права командовать отдельными соединениями русской армии. Причиной этого было не какое-то особое недоверие, а традиционная практика, которая ведет свою историю еще с XVI века. Ротмистры — а в эпоху Ивана Грозного и в Смутное время это был высший чин для иноземцев в царском войске — ведали своими ротами как во внутреннем отношении, так и в тактическом плане. Однако формально каждый их отряд возглавлял «*голова*» из русских выборных дворян, который осуществлял связь между ротмистром и главнокомандующим, а также предотвращал конфликты с населением или царскими чиновниками. Такие же головы, а в отдельных случаях «*приставы*», состояли при татарских и горских отрядах русского войска⁴. С появлением частей «*нового строя*» тот же обычай закрепился на более высоком уровне: теперь полковники подчинялись непосредственно воеводе. Однако иноземцы по-прежнему не имели права возглавлять отдельное царское войско (соединение), и для командования им все равно назначался воевода из состава Государева двора, даже если всё его войско состояло из одного солдатского или драгунского полка. Каждый полковой воевода получал в своё распоряжение дьяка со штатом приказных служителей, казну с посадскими-«*целовальниками*» и, главное, занимал вполне определённое высокое место в служилой иерархии государства. Полковник же, пусть даже «*старший*», оставался «*кормовым иноземцем нового выезду*» и ничем помимо своего полка заведовать не мог (даже подьячими и посадскими людьми).

Это положение вещей, понятное и вполне приемлемое и для Лесли, и для большинства иноземных полковников, пришлось не по душе нововыезжим шотландцам. Даже из отрывочных сведений видно,

что и Дромонт, и Далиель нередко оставляли свои полки и приезжали в Москву, где пытались доказать свою правоту и добиться необходимых решений⁵. В столице знатных шотландцев несомненно ценили как авторитетных военных консультантов (особенно в Иноземском приказе) и нередко прислушивались к их доводам. В действующей армии генералы порой решительно шли на конфликты с царскими воеводами и не стеснялись обращаться к главному командованию через их голову. Наиболее замечательным в этом плане является составление и отправка в Москву *«статей»* генерал-поручика Т. Далиеля, полковника Р. Дугласа и других офицеров армии кн. И. А. Хованского в сентябре 1661 г., что послужило поводом для запрета боярину активных наступательных действий ввиду необученности его пехоты. Ряд же пунктов этого документа был превращен в инструкцию для царских военачальников⁶. Через месяц, поссорившись накануне второй битвы при Кушликовых горах с кн. Хованским, Далиель не понес никакого наказания за свой самовольный отъезд из войска в Полоцк⁷.

Эта неформальная близость шотландцев к государеву двору через главу Иноземского приказа, царского тестя боярина кн. И. Д. Милославского, по-видимому, и положила начало изменению прежней традиции в отношении командования походным войском. Уже в мае 1662 г. генерал-майору В. Дромонту было поручено провести обоз с продовольствием и боеприпасами в Старый Быхов, для чего он получил в свое распоряжение настоящее соединение из солдатских полков с артиллерией и рот смоленской шляхты (более 3000 чел.). В бою под Чаусами он отбил атаки литовцев полковника Статкевича и выполнил поставленную задачу⁸. Через месяц, 23 июня 1662 г., уже генерал-поручик Т. Далиель с пехотой полоцкого гарнизона и *«присяжной»* шляхтой (отряды полковника Яна Менжинского и ротмистров Федора Снарского и Ивана Павловского) выступил навстречу литовским волонтерам, отразил атаки полков Дятловича и Польского и заставил их отступить⁹.

Зимой 1663 г. генерал-майор В. Дромонт вновь прорвался в Старый Быхов *«...с отрядом примерно в 2500 конницы и пехоты»* (28 февраля) и произвел там ротацию гарнизона, забрав старых *«сидельцев»* и оставив вместо них около 800 смоленских солдат¹⁰. После этого мещане быховских пригородов — Головчина, Бельнич, Пропойска, Чирикова, Дашковки и Чаус — вновь перешли в царское подданство

(«на государево имя») и некоторое время присылали запасы в гарнизон крепости. По возвращении генерала в Смоленск произошла ротация уже генеральских кадров: престарелый А. Лесли в начале 1663 г. скончался, на его место царь назначил Т. Далиеля, а В. Дромонт получил следующее звание генерал-поручика.

П. Гордон сообщает важные подробности об этом событии. Томас Далиель вместо того, чтобы принять командование полком *«старого генерала»* в Смоленске, весной 1663 г. приехал из Полоцка прямо в Москву *«с кое-какими жалобами»*, что вызвало гнев со стороны боярина И. Д. Милославского. Однако шотландец отказался приступать к новым обязанностям и несколько недель прожил в Немецкой слободе, упорствуя в своих требованиях. Только 1 июля 1663 г. генерала, наконец, *«...соблазнили на уступки. Примирившись с боярином, он получил удовлетворение и отправился в город [Смоленск]»*¹¹. Возможно, именно Далиель добился тогда производства в генерал-майоры очередного шотландца — полковника Данилы Крафтерта.

Одной из важных тем, вокруг которых могли вестись эти переговоры в Немецкой слободе и приказах, были поместья в Смоленском уезде из состава конфискованных в 1654 г. польских маетностей. Генерал А. Лесли уже в 1650-х гг. получил довольно обширные владения, часть из которых впоследствии досталась его потомкам. Судя по жалобе Дромонта, начало которой сохранилось в отрывке публикуемой челобитной, к 1663 г. он также владел землёй с крестьянами в Касплинской волости. Несомненно, и Далиель получил в свое распоряжение что-то из смоленского земельного фонда.

Пока генерал и глава Иноземского приказа выясняли отношения, в мае — июне 1663 г. Москвой были получены тревожные известия о роспуске конфедераций коронного и литовского войск и подготовке короля Яна Казимира к походу против России. В Смоленске, Севске и Новгороде был объявлен сбор войск, и к месту их дислокации даже выехал боярин князь Я.К. Черкасский¹². Правда, в июле сборы прекратились по причине промедления противника, но уже в тот момент были намечены основные контуры организации походного войска в будущих кампаниях конца 1663 и 1664 гг. В частности, генерал-поручик М. Бовман к осени получил в свое распоряжение помимо трёх солдатских полков (своего и полковников А. Шневенца и М. Фанзалена)

новые драгунский и рейтарский полки из даточных монастырских слуг¹³ и довольно мощную артиллерию. Полки Шневенца и Фанзалена в декабре 1663 г. прибыли в Смоленск, а остальные с самим генерал-поручиком в Можайске вошли в состав армии боярина кн. Черкасского. Видно, что в столице их уже воспринимали как единое соединение: присланные в Смоленск полки (*«полковников генарала Миколаива полку Болмана Альберхта Шневца да Миколая Фанзалина»*) были вверены кн. Ю. Н. Барятинскому, который должен был со временем соединиться с той же армией кн. Черкасского. Впрочем, полк Фанзалена прибыл в Смоленск без зимней одежды и обуви, что вынудило оставить его временно в гарнизонной службе, заменив шквadroной Московского выборного полка А. Шепелева с подполковником Василием Бюстом. Позднее, в феврале 1664 г., полк Фанзалена всё же нагнал армию кн. Черкасского в Болхове вместе с генералом Т. Далиелем — видимо, получив к тому времени *«шубные кафтаны»*¹⁴.

Между тем, в июле 1663 г. литовцы вновь осадили Старый Быхов, а в сентябре 20-тысячное литовское войско подошло к пределам Смоленского уезда и расположилось к югу от крепости: дивизия великого гетмана П. Сапеги в Прудках, а дивизия М. Паца — в Мигновичах. Уже по традиции для поиска против них выступил генерал-поручик В. Дромонт, и *«...даны ему были ис Смоленска на время для походу все полки и старова генерала салдаты»*. По словам кн. Барятинского, Дромонт в результате *«бежал»* от литовцев, оставив без поддержки гарнизоны Красного и Ельни, которые были немедленно захвачены противником. По возвращении в город вверенные генералу полки вновь перешли в распоряжение осадного воеводы боярина кн. Ф. Ф. Куракина.

Внезапный марш литовского войска к Смоленску встревожил командование, и для защиты крепости в город уже 2 октября 1663 г. срочно отправился один из лучших русских полководцев — окольничий кн. Юрий Никитич Барятинский. В конце месяца он разбил отряды противника под Дорогобужем и при Белоручье, а затем стал методично утеснять литовцев, нападая на их фуражиров и обозы. В ряде случаев, судя по отписке князя, ему помогал со своим полком генерал В. Дромонт. Но вот в разгар боев, 21 ноября, кн. Барятинский получил указ из Иноземского приказа передать в распоряжение генерала В. Дромонта его *«прежние полки»*, еще с последней старобыховской

экспедиции, но чтобы сам генерал действовал в составе войск Бярятинского. Однако сделано это распоряжение было довольно неуклюже: кн. Бярятинский не имел у себя полков, с которыми Дромонт ходил в поход в начале 1663 г., и воспринял претензии генерала как интригу и угрозу своей местнической чести. В итоге между ними разгорелась ссора, которая вызвала отправку двух челобитных в приказ Тайных дел от В. Дромонта (от 8 и 19 декабря) и персональный отъезд самого генерала в Москву в начале января 1664 г. Осознав всю опасность ситуации, князь в ответ составил довольно обширную отписку с оправданием своих поступков и обвинениями против генерала (31 декабря 1663 г.), а уже 4 января 1664 г. выразил полную готовность передать в распоряжение В. Дромонта все полки, перечисленные в новом указе из Москвы — вопреки свежей ссоре и обидам.

Таким образом, к моменту выступления армии кн. Черкасского из Болхова (13 февраля 1664 г.) в ее составе было сформировано второе генеральское соединение из двух рейтарских и нескольких солдатских полков. Генерал Т. Далиель, по-видимости, возглавил третий подобный же корпус (его полк также указан в росписи войск в Болхове)¹⁵. Характерно, что П. Гордон, пересказывая распоряжения царской ставки на рубеже 1663–1664 гг., вообще не упоминает имени кн. Бярятинского: *«Бярятину князю Якову Куденетовичу Черкасскому было велено идти, согласно сведениям [о неприятеле], то к Севску, то к Смоленску. Теперь же, когда стало ясно, что литовская армия движется на Украину на соединение с коронной армией, он получил приказ выступить в Калугу и далее на Украину. Генерал-лейтенанту Драммонду было велено встречать его в Болхове, а генералу Далиеллу с смоленским войском — идти вслед и соединиться с Черкасским»*¹⁶.

Передача части полков генералу Дромонту вызвала у кн. Бярятинского еще одну, можно сказать, «техническую» сложность. Для своей «чести» любой царский воевода стремился сформировать в походном войске отряд завоеводчиков и есаулов. Эти люди не только составляли свиту полководца и охрану Государева знамени, но и выполняли всевозможные поручения — от передачи приказов до руководства отдельными отрядами, постами и временными гарнизонами. В распоряжении кн. Бярятинского осенью 1663 г. не было дворян сотенной службы (из которых обычно и выбирались завоеводчики), и он собрал команду

своих есаулов из 80 рейтар — детей боярских полков Х. Мингауса и Р. Полмера. Передавая оба упомянутых полка В. Дромонту, князь попросил разрешения оставить этих есаулов у себя, поскольку в третьем полку Федора Зыкова служили одни монастырские и помещичьи доточные рейтарского строя (из крестьян и монастырских служек).

Случайно или нет, но в русской военной истории уже имел место случай взаимодействия князя Барятинского и знатного английского вельможи. За полвека до описываемых событий, в 1615 году, «князь *Артемий Астон*» возглавил отряд из 300 конных иноземцев (включая и своих сподвижников из Англии) в составе войска кн. М. П. Барятинского. Войско это было срочно сформировано для погони за волонтерами полковника А. Лисовского, однако не сумело его настичь по пути к Волге¹⁷...

Дадим некоторые комментарии в отношении прочих упоминаемых в тексте воинских частей. «*Три роты шляхецкие*» — это смоленская шляхта, которая с 1655 г. по традиции служила в трех ротах, ротмистров И. Станкевича, Д. Швейковского и Д. Гурки (до 600 чел., в том числе 290 чел. челяди). «*Рыдлевские и грунтовые казаки*» ротмистра С. Шибеки — потомки литовских служилых казаков, имевших поместья («*грунты*») под Смоленском. Полк Ягана Фангоина (Фанговена) — небольшой, 5-ротный полк смоленских рейтар, сформированный в 1659 г. из русских беспоместных детей боярских и иноземцев «*старого выезду*» и испомещенный в Смоленском уезде¹⁸. Полк «*старого генерала*» — солдаты покойного Аврама Лесли, которые должны были перейти всем полком в ведение генерала Т. Далиеля. Полк Вилима Брюса — один из солдатских полков Смоленского гарнизона. «*Выборные солдаты, полку Аггея Шепелева*» — Первый московский выборный полк солдатского строя А. Шепелева, половина которого (две шквадроны — 1000 чел. в 10 ротах) во главе с подполковником Василием Бюстом и майором Дмитрием Дуровым находилась на очередной службе в Смоленске¹⁹. Эти солдаты частично снабжались лошадьми из Конюшенного приказа для действий «в *драгунском строе*», почему нередко называются выборными драгунами.

Конечно же, информационный потенциал публикуемых документов не исчерпывается вопросом создания отряда Вилима Дромонта. Здесь есть и сведения о переговорах с поляками по вопросу размена пленных (в частности, об обмене полковника Христофора Мингауса,

который немедленно приступил к командованию рейтарским полком), и данные о боевых действиях осенью — зимой 1663 г., и ряд других известий. Однако ключевым для нас является именно вопрос о генеральском соединении, замечательным образом освещающая один из переломных моментов военной практики Русского государства. Ранее, до 1663 г., генералы-иноземцы были попросту старшими, хоть и наиболее доверенными полковниками «*солдатского строя*», и лишь временно могли командовать сводными отрядами из солдат, рейтар и шляхты. Теперь же в составе крупных армий (воеводских полков) целенаправленно формируется несколько соединений постоянного состава. «*Генеральские полки*» Томаса Далиеля, Миколая Бовмана и Вилима Дромонта не только дошли весной 1664 г. до Брянска, но и приняли участие в боях под Шкловом и Дубровкой во время следующей, летней кампании 1664 г.²⁰ В каждом из них, помимо солдатских полков с полковыми артиллерийскими командами, имелись отряды драгун и полки рейтарского строя — то есть, эти соединения были способны решать особые задачи оперативного масштаба. Существование корпусов Дромонта и Далиеля завершилось в январе 1665 г., когда оба шотландца после настойчивых просьб были, наконец, отпущены на родину.

На первый взгляд, «*генеральские полки*» обоих шотландцев были сформированы попросту по образцу соединения М. Бовмана, и в таком случае мы наблюдаем один из логичных этапов продуманной организационной реформы полков «*нового строя*». Вместе с тем, отличие этих корпусов от полка Бовмана довольно существенное. Голштинец Бовман высоко ценился как грамотный артиллерийский офицер, инженер и даже пушечный мастер, и его соединение с огромным штатом начальных людей (117 чел.), «*скорострельными*» (казнозарядными) пушками и даже мортирами изначально имело своеобразный инженерно-артиллерийский характер²¹. Поэтому небольшие отряды драгун и рейтар были необходимы в нем, скорее, для сопровождения артиллерийского парка, чем для линейного сражения. И главное, все его полки изначально формировались как части «*генеральского полка*» Бовмана в ведении особых приказов (Тайных дел и Пушкарского).

В случае же с Дромонтом и Далиелем мы видим, что под их команду в начале 1664 г. передаются уже давно сформированные, обученные и проявившие себя в боях полевые части. Хотя государева грамота

и предписывает генералу Дромонту «во всем советывать» со своим номинальным начальником (кн. Барятинским), Гордон рассматривает оба соединения уже как отдельные походные единицы, подчиненные лишь главнокомандующему, боярину кн. Я.К. Черкасскому. Поэтому можно прекрасно понять недоумение царского воеводы, в армии которого в разгар боев зачем-то формируется «генеральский полк» как промежуточная структура командования с не совсем ясной формой подчиненности. В этой связи уместно вспомнить то неформально влиятельное положение, которое занимали шотландцы в Москве, их определенную независимость, а также острое желание поскорее уехать обратно в Англию, где на престол взойшёл король Чарльз II. В связи с этим представляется, что важную роль в превращении отрядов Далиеля и Дромонта из солдатских полков в соединения трех родов войск сыграли, с одной стороны, амбиции обоих генералов, а с другой — желание военного руководства по максимуму использовать их боевой опыт и подольше удержать на царской службе. Таким образом, данную реорганизацию правильнее рассматривать не как очередную «реформу» в рамках строительства армии европейского типа, а как временную уступку представителям шотландской знати и приближенным нового короля, которые последовательно добивались равного положения с собственно русскими вельможами и полководцами — хотя бы в рамках военной иерархии.

Насколько плодотворной в чисто военном плане (и стратегическом, и тактическом) оказалась эта реформа, сказать трудно: в обеих кампаниях крупных полевых боев с участием всей массы войск так и не случилось, а подробности боевых действий 1663–1664 гг. (большей частью «малой войны») еще требуют своего изучения. Но надо сказать, что в чистом виде таких же смешанных соединений во главе со знатными иноземцами вплоть до XVIII века в русской армии больше не создавалось. Место иноземных генералов заняли более достойные в плане боевого опыта, хотя и не столь знатные представители элиты полков «нового строя» из русских людей — такие, как Г.И. Косагов и В.А. Змеев. И все же в целом организационный опыт существования «генеральских полков» нового типа не пропал бесследно, получив дальнейшее развитие в войнах с украинскими казаками и Османской империей в 1668–1700 гг.²²

**Переписка приказа Тайных дел
и командования русскими войсками
под Смоленском в конце 1663 — начале 1664 гг.
(Отписки воевод окольного кн. Юрия Никитича
Барятинского и боярина кн. Федора Федоровича
Куракина, а также отрывки челобитных генерал-
поручика Вилима Дромонта.)**

№ 1.

1663, декабря 19.

**Отписка смоленского осадного воеводы
боярина кн. Ф. Ф. Куракина
о пересылке в приказ Тайных дел
челобитных генерал-поручика В. Дромонта
от 8 и 19 декабря 1663 г.**

Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, холопи твои, Федька Куракин с товарищи, челом бьют. В нынешнем, Государь, во 172-м году декабря в 8 да в 19 день бил челом тебе, Великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, генерал-поручик Вилим Дромонт, а нам, холопом твоим, подал за своею рукою две челобитные на окольного и воеводу на князя Юрья Никитича Борятинского. И с тех, Государь, челобитен списав списки, послали к тебе, Великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу мы, холопи твои, под сею отпискою, а отписку велели подать в приказе твоих Великого государя Тайных дел дьяку Дементью Бошмакову. А подлинные, Государь, челобитные за ево Вилимовою рукою впредь для спору оставили мы, холопи твои, в Смоленску. А не объявить, Государь, тебе, Великому государю, про те челобитные мы, холопи твои, не посмели, для того: будет меж ими твою Великого государя делу учинитца какая поруха, и тебе, Великому государю, про те челобитные было ведомо.

На обороте:

Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу.

172-го декабря в 26 день с порутчиком выборнаго полку с Сидором Базеным

В приказ Тайных дел

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола.

№ 518. Л. 116. Подлинник

№ 2.

1664, декабря 8 и 19

**Челобитные генерал-поручика В. Дромонта
с жалобами на воеводу окольного кн. Ю. Н. Бярятинского
(отрывки).**

(1 отрывок)

Царю, государю великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьет челом холоп твой, генерал-порутчик Вилимко Дромонт. По твоему Великому государя указу велено мне, холопу твоему, ведать особые рейтарские и салдацкие полки и драгунов и быть в одном обозе с окольным и воеводою со князем Юрьем Никитичем Бярятинским, и о твоих Великому государя делах советывать и над неприятели промысл чинить сопча. И окольными и воивода князь Юрья Никитич полки рейтарские и пехотные и драгунов у себя задержал насильно и полковником и всем начальным людям заказал, чтоб меня, холопа твоего, ни в чем не слушались и ни о каких твоих, Великому государя, делах ко мне ни ходили. И от того твоей, Великому государя, службе чинитца поруха.

Да посылал я, холоп твой, к нему, окольному князю Юрию Никитичю, бить челом об управе: что узнали крестьянишка мои, Касплинской волости, в полку у ратных людей грабленные свои кляченки, и он велел мне отказать, чтоб я ни о каких делах к нему не присылал — ни о чем ему со мною дела нет. Потом...

(2 отрывок)

Царю, государю великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьет челом холоп твой, генерал-порутчик Вилимко Дромонт.

В нынешнем, Государь, во 172-м году ноября в 20 день прислана ко мне, холопу твоему, твоя Великого государя грамота — велено мне, холопу твоему, отнятые полки, которые у меня, холопа твоего, рейтарские и салдацкие полки были отняты, ведать и быть у меня в полку по прежнему твоему, Великого государя, указу. Да у меня ж, холопа твоего, в полку указано быть из Смоленска драгуном Агеева полку Шепелева у полуполковника у Василья Бюста. И быть с окольнічим и воеводою со князем Юрьем Никитичем Борятинским в одном обозе, и советовать и промышлять над неприятели сопча. И как окольнічей и воевода князь Юрьи Никитич ко мне пришлет для людей, и мне б ему рейтарских рот давать поочередно, сколько ему надобно.

И с того, Государь, числа, как такова твоя Великого государя грамота ко мне, холопу твоему, прислана, окольнічей и воевода князь Юрьи Никитич учал на меня злитца, полки все у себя задержал насильно и полковником и начальным людем заказал, чтоб меня, холопа твоего, ни в чем не слушали. И не о каких твоих Великого государя делех и промыслах над неприятели со мною, холопом твоим, не говорит и не советует — сам с полками выходит и посылки посылает, и что языков бывает поимонных, и выходцом какие ведомости от них есть, мне, холопу...

(3 отрывок)

...стника Астараханского князя Никиты Ивановича Одоевского с товарищи вручено генаральное розменное дело о вязнех, чинить розмену с ведома боярина и воевод князя Федора Федоровича Куракина. И я, холоп твой, посылал к гетману Пацу посланново, смолянина Якова Лазорева, для полковника Христофора Мынгауса и иных вязней. И гетман, Государь, Пац тово Якова Лазорева с полковником Христофором Мынгаусом и ыными вязнями отпустил и послал, Государь, с ними для провожания и с листами иво боробанщика и драгунов. И как, Государь, Яков Лазорев с полковником и с ыными вязни и с посланным борабанщиком и з драгуны будут близ Смоленска декабря в 10 день, и окольнічей князь Юрьи Никитич про них уедав, выслал маеора князь Микифора Мещерского с рейтары, не допуская до Смоленска, у тово Якова Лазорева полковника Христофора Мингауса и посланного борабанщика з драгуны велел отнять сильно и привести к себе. И у тово, Государь, борабанщика, отобрав листы, и держал ево з драгуны у себя четыре дни и отпустил. А что, Государь, в листах

писано, и что он ответу против тех листов с тем борабанщиком писал, боярину князю Федору Федоровичю и мне, холопу твоему, о том ведомости не дал. «А полковнику, Государь, Христофору Мингаусу заказал к боярину князю Федору Федоровичю и ко мне, холопу твоему, для допросу, что в литовском обозе делаетца, итти, чтоб нам никаких вестей было, что в литовском обозе де//лаетца.

Милосердый Государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своиво, вели, Государь, челобитье мое и явку записать, будет от иво, окольного князя Юрья Никитича, несоединенье твоей Великого государя службе, и в том розменном деле о вязнех какая поруха учинитца, чтоб мне, холопу твоему, от тебя, Великого государя, в опале не быть.

Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

Такова челобитная подана декабря в 19 день.

*РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола.
№ 518. Л. 117 (1 отрывок), 119 (2 отрывок), 121, 118 (3 отрывок).
Подлинник.*

№ 3.

1663, декабря 30

**Отписка окольного кн. Юрия Никитича Бярятинского
в приказ Тайных дел
с известиями об уходе литовских войск к Стародубу,
переходе с войском в Духовскую волость
и данными о численности своего полка.**

Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, холоп твой Юшка Бярятинской челом бьет.

Декабря, Государь, в 26 день Павел Сопега со всем своим обозом пошел из Мигунович к Стародубу, а сходитца им с Патцом под Стародубом. Да декабря ж, Государь, в 27 день, посылаа я, холоп твой, за Патцом для подлинной ведомости станицу, Рычертова полку Палмера порутчика немчина Донбора, а с ним двенатцать человек райтар, и велел им ехать за Патцом, чтоб проведать подлинно, которою дорогою пошел или в которых местех стоит. И декабря ж, Государь, в 29 день

порутчик немчин Донбор с станицею приехал в целости, а в роспросе мне, холопу твоему, сказал, что Патца пошел к Рославлю, а сходитца де им с Сопегою под Старадубом // а которые де поляки стояли в Красном, и Красное де, пошедчи, выжгли. И в Смоленском, Государь, уезде поляков нигде нет. А я, холоп твой, отшел от Смоленска с твоими Великого государя ратными людьми с конными и с пешими декабря в 27 день и стал в Духовской волости. А сколько со мною, холопом твоим, ратных людей конных и пеших, и о том я, холоп твой, послал под сею отпискою перечневую смету Тайных дел с подьячим с Юрьем Микифоровым.

172-го декабря в 30 день в полку у окольниковца и воеводы у князя Юрья Никитича Борятинского Великого государя ратных людей.

конных

У полковника у Федора Зыкова райтар 802 человека

У полковника ж у Христофора Мингауса райтар же 773 человека, у нево ж трубачеев 2 человека, да 1 человек литаврщик

У полковника ж у Рычарта Палмера райтар же 614 человек да драгунов 39 человек

пехоты

У полковника у Алберхта Шневца 365 человек салдат //

Московского выборного Агеева полку Шепелева 939 человек салдат московских стрельцов

У Григорья Остафьева 514 человек

У Ивана Гендаурова 522 человека

У Андрея Остафьева 600 человек

У Зимы Волкова 400 человек

И всего конных и пеших налицо 5571 человек.

На обороте:

Государю, царю государю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу.

172-го генваря в 5 день с Юрьем Никифоровым в приказ Тайных дел.

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола.

№ 518. Л. 28–30. Подлинник.

№ 4.

1663, декабря 31

**Отписка окольного кн. Юрия Никитича Барятинского
в приказ Тайных дел**

**с известиями о передвижениях противника и своем походе,
а также о своих несогласиях с генерал-поручиком Вилимом
Дромонтом.**

Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу холоп твой Юшко Борятинской челом бьет.

В нынешнем, Государь, во 172-м году декабря в 19 день писал к тебе, Великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, я, холоп твой, что гетман польной Михайло Патца из Прудков пошел со всем своим обозом к Стародубу. Да декабря ж, Государь, в 29 день писал я, холоп твой, к тебе, Великому Государю, Тайных дел с подьячим с Юрьем Микифоровым, что гетман Павел Сопега пошел из Мигуновичей со всем своим обозом, а сходитца им с Патцою под Стародубом. И тепере, Государь, в Смоленском уезде поляков нигде нет.

Только ведомость, Государь, мне есть, что Сопегина полку Статкевич, а с ним шесть рот татарских, стоят меж Витепска и Каспли. И я, холоп твой, послал проведать для подлинной ведомости. И будет он тут стоит, а за Сопегою не пошел, и я, холоп твой, над ними промышлять буду, сколько Милосердый Бог помощи подаст. //

Да декабря ж, Государь, во 31 день привел ко мне, холопу твоему, в обоз в Духовскую волость грунтовых казаков ротмистр Самойло Шибек да два человек грунтовых же казаков, Оску Кондратьева да Ивашку Савельева, а сказал мне, холопу твоему ротмистр, что те казаки бежали из Смоленска, а были у Сопеги в обозе. И как де Сопега с обозом пошел, и они де, Оска и Ивашко, из обозу к нему, ротмистру, пришли. И я, холоп твой, тех казаков отослал в Смоленск к боярину и воиводе ко князь Федору Федоровичу Куракину.

Да по твоему, Великаго Государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца указу я, холоп твой, от Смоленска отступил с твоими Великого государя ратными людьми декабря в 27 день и стал в Духовской волости,

а ратных людей конные полки райтар поставил около себя по деревням в ближних местех, а хлеб и конские кормы имать велел. А твоих Великого государя ратных людей конных и пеших от Смоленска пошло со мною, холопом твоим, три полки райтарские, да три роты шляхецкие, да пехотный полковник Альберхт Шневец // своим полком с салдаты, да четыре приказы московских стрельцов, да полк выборных солдат — подполковник Василей Бюст. А прислал ево, ¹Василья¹, боярин и воевода князь Федор Федорович Куракин ко мне, холопу твоему, в полк декабря в 23-м числе, и велел ему быть в полку у меня, холопа твоего. А взял в город у меня, холопа твоего, боярин и воевода князь Федор Федорович полковника Микулая Фанзалина с полком, а у него // в полку салдат двесте пятьдесят человек — все голы.

А генерал поручик Вилим Дромант мне, холопу твоему, ни в чем не послушен, и говорит мне при полковниках и головах стрелецких и при многих начальных людех, что твоего Великого государя указу нет к нему, генералу, что ему быть со мною, и быть у меня в полку ¹не указано¹. Да он же, генерал, говорил, что в походы он ходил со мною, холопом твоим, не по твоему Великого государя указу — ходил де он по дружбе — и жил все в городе с своим полком с салдаты, и ни о каких делах ко мне не приезживал и не советывал. И твой Великого государя указ объявлял и говорил я, холоп твой, ему многожды, чтоб он шол в обоз ко мне, холопу твоему, и стал бы со мною в одном обозе, и двор был ему очищен полковника Мингауса. И он, генерал, твоего Великого государя указу не послушал, жил все в городе с своим полком с салдаты, а в походы со мною, холопом твоим, не ходил ни одиножды, после того, как он меня, холопа твоего, безчестил при Федоре Трескине, и всегда меня, холопа твоего, за очи поносит и безчестит.

Да боярин же и воевода князь Федор Федоровичь говорил мне, холопу твоему, в Смоленску, чтоб прибавить // мне ратных людей пеших — на стенах и у ворот на сторожах стоять малолюдна. И я, холоп твой, посылал к нему, боярину и воеводе ко князю Федору Федоровичю, память, что из обозу мне послать пеших людей неково — у меня в обозе малолюдно — а генерал Вилим Дромант живет в городе с своим полком с салдаты, в походы не ходит и сторож салдаты ево не стерегут, а мне, холопу твоему, отказал: быть у меня в полку не хочет,— чтоб ему, генералу, велел быть с полком у себя в полку

до твоего Великого государя указа. И он, генерал, того ж часу в Смоленску и сторожи принял.

А об розменном деле ко мне, холопу твоему, памяти он, генерал, присылал. И я к нему против памятей вязней отсылал.

А как я, холоп твой, пошел ис-под Смоленска, и у него Сопегин посланник еще не отпущен, а для какого дела посланец приехал к нему, и что у него делаетца, и про то я, холоп твой, не ведаю — со мною ни о чем не советует и ко мне не приезжает. А генерал, Государь, Томас Далиель, ко мне, холопу // твоему, приезжал почасту и о твоих Великого государя делах со мною, холопом твоим говаривал и ведомасти мне сказывал, и обо всем со мною, холопом твоим, советовал безпристани, и ево, генерала Вилима, осужал и ему говорил, что он мне не послушен и со мною не советует о твоих Великого государя делах.

Да ноября, Государь, в 21 день прислана твоя Великого государя грамота из Ыноземского приказу ко мне, холопу твоему, которые полки даны были генералу Вилиму Дроманту в прошлом во 171-м году, // и тем полкам быть у него по-прежнему. И тех, Государь, полков у меня, холопа твоего, нет. Даны ему были полки: рейтарской полк Василья Челюскина, да смоленские райтары полковник Еган Фангоин, да салдацкой полк Вилим Брюст. И Василья, Государь, Челюскина с райтары в Смоленске нет, а Фангоин и Вилим Брюст у боярина и воиводы у князя Федора Федоровича в Смоленске. А как ходил он, генерал, против Патцы, и в ту пору, Государь, даны ему были ис Смоленска на время для походу все полки и старова генерала салдаты. А как ис походу пришел, и те у него полки по-прежнему взяли. А до походу теми полками и после походу он, генерал, не владел, а владели теми полками бояре и воиводы. А он, генерал, владел одним своим полком салдатским.

А как я, холоп твой, пришел к Смоленску, и боярин и воивода князь Федор Федорович до меня, холопа твоего, ис Смоленска в слободы вывел два полки райтарских, Христофора Мингауса да Рычарта Палмера, и велел им стоять в слободе и быть у меня в полку. И о том ко мне, холопу твоему, боярин и воивода князь Федор Федорович прислал память. А как я, холоп твой, пришел под Смоленск и стал в обозе, и ко мне боярин и воиводы князь Федор Федорович прислал в полк ко мне в обоз три роты шляхецкие да два полки салдацкие, Алберхта Шневца да Миколая Фанзалина, да половину выборных салдат //

Агеива полку Шепелева маера Дмитрея Дурова, и о том боярин и вои- вода князь Федор Федорович прислал ко мне, холопу твоему, память, а велел им быть у меня в полку, а не у генарала, и тово в памяти не напи- сано, что они полку генералова.

А что он, генарал, безчестя меня, холопа твоево, и мне был не послу- шен и со мною о твоих Великого государя делах не советовал, и о том твое, Великого государя, милостивое рассмотрение. А что Божие и твое, Великого государя, дело делалось, и то строилось милостию Божию и Пречистыя Богородицы и всех святых помощью, и твоею, Велико- го государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Вели- кия и Малыя и Белья Росии самодержца, молитвою и счастьем и рат- ных людей твоих, Великого государя, промыслом и службою. Гетманы Павел Сопега и Михайло Пац, не дав бою, пошли ис Смоленского уезду прочь в дальние места от промыслу твоих, Великого государя, ратных людей моево полку, потому что у них, гетманов, в обозех стало безпо- койно, безпрестанные сторожи конные на лошадях, а пешие около обо- зу и в день и в ночь стояли, хлебных запасов и конских кормов возить им в обоз не дали, и под обозом и около обозов в ближних и в дальних местех поляков многих секли и имали //

А иво, Государь, генаралов промысл и строенье, как он ходил про- тив Патцы, и от Патцы побегал, а капитана да триста человек салдат покинул в Красном, и того капитана и салдат потерял было, взяли их поляки, и взяв их, отпустили в Смоленск, а капитана взяли с собою. И того, Государь, капитана выменил на вязни, которых я, холоп твой, поимал, Патцова войска.

Да иво ж, генараловым, строеньем и промыслом на Ельне пропал капитан да сто человек салдат выборного полку.

А сторожи он, генарал, ставил конные около Смоленска за Моло- ховскими вороты на Есеновой и дале Есеновой, и стояла сторожа в день и в ночь. И уведав, Государь, то поляки, что нестройно ставит ночью: ворота запрут, а сторожи стоят за городом, — и поляки, пришед, те сторожи сбили и имали, а утить было им некуды. И от того твоим Великого государя ратным людем чинилась поруха великая.

А что впредь у меня, холопа твоево, каких вестей объявитца, и о том я, холоп твой, отпишу к тебе, Вели//кому государю, тотчас. А взятых вязней у меня, холопа твоего, в обозе в Духовской волости сто один

человек, а достальные вязни сидят под Смоленским в обозе на съезжем дворе, а боярин и воевода князь Федор Федорович у меня, холопа твоего, их в город не принял. И я, холоп твой, оставил сотника да сорок человек стрельцов беречь их на съезжем дворе до твоего, Великого государя, указа. И о тех вязнях, которые сидят у меня в Духовщине, и которые под Смоленским в обозе, вели свой Великого государя указ учинить.

Да ведомо мне, холопу твоему, учинилось ото взятых языков, что Рычертова полку Палмера да Христофорова полку Мингауса татаровя в Патцове войске, которых поймали на Есеновой на сторожах до меня, холопа твоего, а иные де, Государь, и сами приехали к ним и ныне служат в Патцове войске в ротах, да и стрельцы де, Государь, московские у них есть, которые бежали из-под Смоленска, а сколько их и хто имяны, и того не ведают, а взяты де // они на дорогах в розных местах, а на розмену их, Государь, ко мне не прислали.

А с отпискою послал к тебе, Великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, я, холоп твой, райтара Рычертова полку Палмера Ивана Неклюдова, а он, Иван, ранен на Сырокоренском бою. А велел ему, Ивану, явитца и отписку подать в приказ Тайных дел.

На обороте:

Государю, царю государю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу.

172-го генваря в 5 день Иван Петров сын Неклюдов рейтар
в приказ Тайных дел

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола.

№ 518. Л. 17–27. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ: 1–1 слово вписано над строкой

№ 5.

1664, января 4

Отписка окольного кн. Юрия Никитича Бярятинского

в приказ Тайных дел

с известиями о передвижениях противника и своем походе,

а также о своих несогласиях

с генерал-поручиком Вилимом Дромонтом.

Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу холоп твой Юшко Бярятинской челом бьет.

В нынешнем, Государь, во 172-м году генваря в 4 день прислана твоя, Великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, грамота ис приказу Тайных дел ко мне, холопу твоему, а в твоей Великого государя грамоте писано: велено мне, холопу твоему, с твоими Великого государя ратными людьми с конными и с пешими итти в сход к боярину и воиводе ко князю Ивану Ондреивичю Хованскому. Да в той же твоей Великого государя грамоте писано ко мне, холопу твоему, что велено со мною, холопом твоим, итить и быть у меня в полку полковнику Федору Зыкову с полком, да смоленской шляхте всей, да рыдлевским и грунтовым казаком, да головам московских стрельцов Григорью Остафьеву, Ивану Ендогурову, Ондрею Остафьеву, Зиме Волкову с приказы, да выборного Агеива полку Шепелева подполковнику Василью Бюсту с салдаты. А генарал-порутчику Вилиму Дроманту // велено отдать райтарские полки Христофора Мингауса да Рычарта Пальмера, да полковников генарала Миколаива полку Болмана Альберхта Шневца да Миколая Фанзалина с полками.

И по твоему, Великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, [указу] от Смоленска я, холоп твой, отшел и стал в Духовской волости. И о том я, холоп твой, писал к тебе, Великому государю, Тайных дел с подьячим с Юрьем Микифоровым декабря в 30 день.

А генаралу-порутчику Вилиму Дроманту я, холоп твой, в Смоленск посылаал, что он против твоиво, Великого государя, указу райтарския и салдаткия полки принял, и про него, генарала, в Смоленске сказали, что де он ис Смоленска поехал к тебе, Великому государю, к Москве.

И по твоему, Великого государя, указу райтарских и салдатских полков отдать некому. А как генарал с Москвы будет, и по твоему, Великого государя, указу ему, генаралу, райтарския полки Христофора Мингауса да Рычарта Палмера да салдатцкого строю полковника Альбрехта Шневца отдам тотчас, и о твоих, Великого государя, делах советовать и говорить с ним буду. И враждовать бы я с ним не стал, естли бы он, генарал, не зачал и не бещестил меня, холопа твоиво. А нынеча твой, Великого государя, милостивой указ ко мне, холопу твоему, прислан, что велено з генаралом быть в совете и вражду пресечь. И по твоему, Великого государя, милостивому указу з генаралом рад быть в совете, хотя от него и терпеть буду, за твоим Великого государя, указом.

А как боярин и воивода князь Иван Ондреивич ко мне, холопу твоему, отпишет о сходе, и я, холоп твой, к нему, боярину и воиводе, ко князю Ивану Ондреивичю в сход пойду тотчас.

Да из Рычартова, Государь, и из Мингаусова полков выбрано восьмьдесят человек, а написаны они за мною, холопом твоим, в есаулах, и те, Государь, выборные люди у меня, холопа твоего. И о тех людех вели свой Государев указ учинить. А из Федорова, Государь, полку Зыкова выбрать неково, потому что люди боярские да слушки монастырские //

А хлеба, Государь, из уезду Смоленского, ис Порецкой и из Руцкой волости, собрав, привезли, и роздал стрельцом по полусосьмине человеку.

На обороте:

Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу.

172-го генваря в 9 день с московским стрельцом с Ывашком Федоровым

В приказ Тайных дел

*РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола.
№ 518. Л. 35–39. Подлинник.*

Ссылки

¹ Курбатов О. А. Подорожная и дело о прощении солдата из полка «енорала и старшего полковника Аврама Ильича Лесли» 1654 г. // Архив русской истории.— М., 2007.— Вып. 8.— С. 484–490.

² Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–58 гг. // Архив русской истории.— М., 2007.— Вып. 8.— С. 157–197.

³ Бабулин И. Б. Генерал Бауман и его деятельность в русской армии XVII века // Рейтар.— 2005.— № 7 (19).— С. 57–88.

⁴ Курбатов О. А. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII века // Иноземцы в России в XV–XVII веках: Сборник материалов конференций 2002–2004 гг.— М., 2006.— С. 18–34.

⁵ Сведения о возвращении В. Дромонта из Москвы, где «он имел личную беседу с Его Величеством и получил щедрые подарки», в Смоленск записаны в дневнике П. Гордона под 25.10.1662, но относятся, скорее всего, просто к концу года (Гордон П. Дневник. 1660–1668.— М., 2002.— С. 122).

⁶ Курбатов О. А. Морально-психологические аспекты тактики русской конницы в середине XVII века // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления.— М., 2005.— С. 193–213 (сам документ см: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 27. Оп. 1. № 166. Л. 112–120).

⁷ Гордон П. Дневник... С. 114.

⁸ Ноздрин О. Я. «Против недругов стоял и бился мужественно»: Клан Драммондов на службе царю и отчеству // Материалы международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы».— СПб., 2010.— Ч. II.— С. 157, 158.

⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 246.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 236. Л. 4.

¹¹ Гордон П. Дневник... С. 128, 133.

¹² Записная книга Московского стола 7171 г. // Русская историческая библиотека. — СПб., 1886. Т. 10.

¹³ Драгуны полка М. Бовмана из числа даточных Троице-Сергиева и Саввино-Сторожевского монастырей получили жалование в приказе Тайных дел 10 ноября 1663 г. (Дела Тайного приказа. Кн. 3. // Русская историческая библиотека. — СПб., — Т. XXIII. — Стб. 442). См. также: Курбатов О. А. Стрельцы Саввино-Сторожевского монастыря во второй половине XVII века // Саввинские чтения: Сборник трудов по истории Звенигородского края. — Звенигород, 2015. — Вып. 3. — С. 69–85.

¹⁴ Бабулин И. Б. Русские войска в боях против армии короля Яна Казимира: зимняя кампания 1663–1664 гг. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. — М., 2016. — Вып. 4 (в печати).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Гордон П. Дневник... С. 138.

¹⁷ Книги разрядные, по официальным оных спискам. — СПб., 1853. — Т. I. — Стб. 95–97, 106.

¹⁸ О формировании полка смоленских рейтар см. указ от 21 февраля 1659 г. (Полное собрание законов Российской Империи. — Т. I. — С. 483 (№ 246)).

¹⁹ Подробнее см.: Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. — М., 2006.

²⁰ Курбатов О. А. К истории летней кампания 1664 г. на территории Великого княжества Литовского // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. — М., 2016. — Вып. 4 (в печати).

²¹ Курбатов О. А. Организация осадного парка и инженерно-артиллерийского дела русской армии в 1630–1650-х гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. — Ч. III. — С. 290, 291 <http://www.milhist.info/2017/03/16/kyrbatov_6> (16.03.2017).

²² Подробнее о генералах 1670-х и последующих годов см.: Рогожин А. А. Генералитет полков «нового строя» в России второй половины XVII века: Диссертация канд. ист наук. — Орел, 2014.